

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 7.

I.

КОМЕДИЯ
ВЪ ОКНѢ И НА БАЛКОНѢ.

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

АРСЕНА ГУСОВЕ.

ПЕРЕВОДЪ

В. П. Зотова.

ДѢЙСТВУЮЩЕ:

ГРАФИНЯ.

АЛЕКСАНДРЪ, молодой человекъ.

ЛИЗА, швед.

АРТИСТЪ.

Дѣйствіе происходитъ на балконѣ и въ двухъ окнахъ одного дома.

Театръ представляетъ два этажа одного дома; въ верхнемъ этажѣ два окна, въ нижнемъ балконъ, на который выходятъ двѣ двери; балконъ раздѣляется на двѣ половины трельяжемъ, оббитымъ плюшемъ; подлѣ горшки съ розами и другіе цвѣты; съ одной стороны балкона мягкое кресло, съ другой стулъ.

I.

Въ правомъ окнѣ показывается артистъ; онъ осматривается около себя, нагнбается внизъ, снова исчезаетъ, возвращается съ каминными щипцами и, наклонясь надъ балкономъ, срываетъ щипцами розы.

АРТИСТЪ. Какъ-бы только не застали ... Графиня, впрочемъ, никогда не выходитъ на балконъ прежде своего сосѣда, а у того что-то съ утра возятся въ комнатахъ; вѣрно переѣзжать собирается ... Вотъ и букетъ готовъ моей милой Лизѣ и еще даромъ! Ахъ, еслибы и она полюбила меня за эту—же цѣну!

ЛИЗА (*отворяя лѣвое окно*). Какой славный день, какъ тепло! Кто скажетъ, что теперь конецъ августа?.. Впрочемъ, конецъ лѣта бываетъ всегда лучше начала... да и не только одного лѣта!...

АРТИСТЪ (*всторону*). Какъ она мила въ этой прическѣ à la барашекъ! Прекрасная сосѣдка! Угодно вамъ будетъ получить этотъ букетъ розъ?

ЛИЗА (*беретъ букетъ*). Дамы берутъ все, что имъ предлагаютъ.

АРТИСТЪ. И предлагаютъ все, чего у нихъ не берутъ.

ЛИЗА. Это еще что за глупость?

АРТИСТЪ. Такъ, маленькое философическое размышленіе, которое, впрочемъ, нейдетъ къ дѣлу. Скажите лучше, какой отвѣтъ дадите вы на мое вчерашнее письмо?

ЛИЗА. Я его не читала.

АРТИСТЪ. Эта отговорка не можетъ помѣшать вамъ отвѣчать на мое страстное посланіе. Неужели васъ не тронули мои стихи?

ЛИЗА. Я и не замѣтила, что тамъ были стихи.

АРТИСТА. Пощадите! Три четверти письма написано стихами—и еще какими: имъ позавидовали—бы все наши поэты!

ЛИЗА. Вы все занимаетесь пустяками. Ваша любовь не серьезна.

АРТИСТЪ. Не серьезна! Моя любовь? Но я люблю васъ, какъ ростовщикъ любить деньги, какъ журналистъ своихъ подписчиковъ, какъ устарѣлая красавица свои притиранья, какъ ...

ЛИЗА. Ну, а я люблю васъ, какъ вѣтеръ любить флюгеръ. Довольны—ли вы этимъ?

АРТИСТЪ. Это какое—то странное сравненіе.

ЛИЗА. Я вычитала его въ одной изъ тѣхъ книгъ, которыми вы такъ щедро меня надѣляете. Впрочемъ, вы сами знаете, что я получила образованіе далеко выше того положенія, въ какое меня поставила печальная судьба. Я воспитывалась въ пансіонѣ у мадамъ Трико. Несчастныя обстоятельства и коварство жестокихъ людей ...

АРТИСТЪ. Знаю, знаю! Вы ужъ не разъ рассказывали мнѣ эту плачевную исторію, или я тоже читалъ ее гдѣ—то, не помню право. Дѣло не въ томъ, однакоже; вы сомнѣваетесь въ моей любви! Не стыдно—ли вамъ? Развѣ вы забыли, что говоритъ Гамлетъ:

Сомнѣвайся въ солнечномъ теченіи,
Сомнѣвайся, что огонь въ звѣздахъ пылаетъ,
Въ томъ, что ... еще что—то, не помню ... на землѣ бываетъ.
Но въ любви моей отбрось сомнѣнье!

ЛИЗА. Я не сомнѣваюсь въ вашей любви, но знаю, что вы влюблены во всѣхъ женщинъ. Въ каждомъ изъ четырехъ этажей нашего дома у васъ есть какая—нибудь страсть.

АРТИСТЪ. Но это все совершенно разныя страсти, нисколько не похожія одна на другую. Въ нижнемъ этажѣ живетъ страсть печальная, меланхолическая, вспоминающая о прошедшемъ; въ бель—этажѣ страсть знатная, гордая, аристократическая, которая думаетъ только о кокетствѣ, необходимости повелѣвать своими поклонниками; въ третьемъ этажѣ страсть глубокая, истинная, задумчивая, которая ждетъ и ищетъ, какъ наша сосѣдка на правой сторонѣ балкона. Наконецъ въ четвертомъ этажѣ живетъ страсть веселая, беззаботная, которая пользуется

настоящимъ и не думаетъ о будущемъ, какъ птицы небесныя. Неужели я долженъ увѣрять васъ, что эта страсть глубже всего проникла въ мое сердце; что сильнѣе всего я люблю все-таки васъ, мою добрую, неприхотливую-невзыскательную красавицу? Вы до-сихъ-поръ еще не открыли мнѣ вашей двери, и я до-сихъ-поръ вижу васъ только въ окно, знаю васъ только до пояса ... Но вѣдь вы не портретъ, а напротивъ живая, даже очень живая женщина, и между-тѣмъ, такъ холодны ко всѣмъ выраженіямъ самой африканской страсти, и когда я читаю вамъ самые пламенные и длинные монологи, отъ которыхъ даже духъ захватываетъ, вы не слушаете ихъ и смотрите внизъ, совершенно въ другую сторону.

ЛИЗА. Я точно немножко разсѣянно слушала васъ, но оттого, что еще издали увидѣла одного неспоснаго господина, который мучитъ меня своими посѣщеніями и предложеніями своего сердца.

АРТИСТЪ. Зачѣмъ вы не прогоните его, если онъ точно надеѣдается вамъ?

ЛИЗА. Развѣ я могу сдѣлать это? Я женщина.

АРТИСТЪ. Конечно, вытолкать въ шею съ чувствомъ и достоинствомъ можетъ только одинъ мужчина. Прикажете, я окажу вамъ эту маленькую услугу?

ЛИЗА. Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе ... Только пожалуйста безъ шума.

АРТИСТЪ. Зачѣмъ шумѣть. Два, три выразительные жеста (*размахиваетъ руками*) и дѣло кончено! Потрудитесь только впустить меня въ вашу комнату.

ЛИЗА. Вы, однакоже, общаете мнѣ ...

АРТИСТЪ. Все, что вамъ угодно. Но теперь некогда давать клятвы. Отворите поскорѣе вашу дверь. Иначе, если я войду къ вамъ послѣ этого господина, то онъ будетъ въ правѣ выгнать меня.

ЛИЗА. Идите-же! (*Артистъ и Лиза скрываются, Лиза затворяетъ окно*).

II.

АЛЕКСАНДРЪ (*выходя на правую сторону балкона и садясь на стулъ*).

И такъ, все готово! Черезъ четверть часа я уѣзжаю изъ этого дома, а черезъ часъ—и совсѣмъ изъ нашего скучнаго города. Надолго-ли? Вѣроятно, на нѣсколько лѣтъ. Что мнѣ дѣлать здѣсь? Я одинокъ, ни къ

кому и ни къ чему не привязанъ. О комъ и о чемъ жалѣть мнѣ?... О моей Каролинѣ?... Но я совершенно позабылъ объ ней, и даже о ея послѣднемъ поступкѣ ... Мы любимъ женщину за то, что она любитъ насъ, а не за то, что любитъ другихъ. Прощай-же, моя маленькая и хорошенькая квартира, мой балконъ, съ котораго такой прекрасный видъ, и половину котораго занимаетъ такая прекрасная сосѣдка!... Странно, однакоже, устроена она... не сосѣдка, а моя квартира. Что за мысль была отдать правую половину балкона однимъ жильцамъ, а лѣвую другимъ? Конечно, мы здѣсь почти за городомъ или, по-крайней-мѣрѣ, на самой границѣ города. Это настоящая дача, даже вилла .. И какъ хороша она!... не дача, а сосѣдка. Мнѣ кажется, еслибы она сказала мнѣ одно слово... Что за вздорныя мысли приходятъ мнѣ въ голову!... Какая нужда мнѣ до этой женщины! Я даже не знаю, какъ зовутъ ее. Люди мои говорили, что графиня какая-то, а я не полюбопытствовалъ узнать, что за графиня. И какую смѣшную жизнь ведетъ она: никого не принимаетъ, кромѣ нѣсколькихъ старухъ и двухъ стариковъ; ни съ кѣмъ не знакомится. Ъздитъ то въ коляскѣ, то верхомъ, и все одна, въ сопровожденіи своего грума. И въ три мѣсяца лѣтняго сосѣдства, живя со мною стѣна объ стѣну, на одномъ балконѣ, она говорила со мной только три раза, и то всѣ три раза, я самъ долженъ былъ начинать разговоръ, который всегда ограничивался съ ея стороны односложными отвѣтами. А между-тѣмъ на этомъ балконѣ мы очень удобно можемъ видѣться и разговаривать. Нѣтъ, это женщина пустая, холодная и необразованная. Я рѣшился не говорить съ нею ни слова, и вотъ уже нѣсколько недѣль твердо исполняю свое намѣреніе. Вотъ она; точно также усердно читаетъ книгу, какъ всегда. На моемъ мѣстѣ, другой подумалъ-бы, что она для меня приходитъ сюда всякое утро въ хорошую погоду. Но я не такъ самолюбивъ. Я знаю, что балконъ выходитъ въ садъ; что съ него видъ очень хорошій; что здѣсь свѣжій воздухъ и что у моей сосѣдки вовсе нѣтъ сердца.

ГРАФИНЯ (*выходитъ на лѣвую сторону балкона, съ книгою въ рукахъ, и садится въ кресло, не поднимая глазъ отъ книги.*)
Какая скука! Кто знаетъ начало романа—знаетъ и конецъ! Все одна и та-же исторія! Какъ это не надоѣстъ писать старыя вариации на избитую тему!

АЛЕКСАНДРЪ. А вѣдь, однакоже, въ нашихъ сношеніяхъ много заманчиваго, поэтическаго; въ графинѣ есть что-то таинственное, привлекательное. Хоть-бы она изъ учтивости вздумала взглянуть на меня ... Не кашлянуть-ли? Глупое средство. Она, какъ намедни, спроситъ меня пожалуй: не простудился-ли я, посоветуетъ нашить бузины—и

тѣмъ дѣло кончится ... Чтò это?.. Она, кажется, смотритъ на меня? Нѣтъ, на свои цвѣты!..

ГРАФИНЯ. Это странно, однакоже: неужто мой сосѣдъ такой охотникъ до розъ, что всякое утро обрываетъ у меня лучшіе цвѣты? На что ему они? Это даже не совсѣмъ деликатно. Спросить его?... Но онъ подумаетъ, что я ищу предлога къ разговору; Богъ съ нимъ и съ этими розами! (*читаетъ*).

АЛЕКСАНДРЪ. Опять начала читать. Это становится невыносимо. Хорошо, что я черезъ четверть часа уѣзжаю отсюда; эта женщина вывела—бы меня изъ терцѣня ... Неловко, однакоже, я думаю не поклониться ей ... Къ тому—же я далъ себѣ обѣщаніе не говорить съ нею, а поклониться требуетъ учтивость. (*Съ шумомъ расшаркивается на балконѣ. Графиня опускаетъ книгу, слегка приподнимается съ кресла, кланяется и опять садится читать. Послѣ третьяго поклона, Александръ, поднявши голову, видитъ, что графиня опять закрыла лицо книгой*). Рѣшительно, я выйду изъ себя... Такое обидное обхожденіе! Надо показать этой женщинѣ, что я самъ не обращаю на нее никакого вниманія ... Стану тоже читать ... Но всѣ мои книги уложены въ чемоданъ ... Все равно; начну читать мой заграничный паспортъ (*вынимаетъ бумагу и читаетъ*).

III.

АРТИСТЪ (*показывается въ правомъ окнѣ, перевѣшиваетъ въ него и стучитъ въ окно Лизы*). Сосѣдка, прекрасная сосѣдка, жестокая сосѣдка!

ЛИЗА (*отворяя окно*). Чтò вамъ угодно?

АРТИСТЪ. Не стыдно—ли вамъ поступать со мною такимъ образомъ! Зачѣмъ вы не впустили меня въ комнату?

ЛИЗА. Я сама нашла средство наказать моего докучнаго посѣтителя. Онъ ужъ не будетъ больше дѣлать мнѣ визитовъ.

АРТИСТЪ. Все это прекрасно. Но вы могли однакоже отворить мнѣ дверь. Вѣдь вы обѣщали!...

ЛИЗА. Развѣ я обѣщала?

АРТИСТЪ. Какъ—же, даже поклялись. Неужели вы боитесь за меня?

ЛИЗА. Нѣтъ, но я боюсь за себя.

АРТИСТЪ. О! эти слова доказываютъ, что вы любите меня. Лиза, милая Лиза! прошу васъ, умоляю! Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ визитъ.

Мнѣ нужно сообщить вамъ очень важную тайну.

ЛИЗА. Говорите!

АРТИСТЪ. Какъ можно! Вонъ внизу сидятъ наши сосѣди; они могутъ услышать.

ЛИЗА. Они очень заняты чтеніемъ. Любопытно однакоже: неужели они будутъ сидѣть цѣлое утро другъ противъ друга, не говоря ни слова. Давайте биться объ закладъ, что молодой человѣкъ непременно заговоритъ со своей сосѣдкой.

АРТИСТЪ. Давайте, давайте! Только для этого мы должны ударить по рукамъ, а я не могу отсюда протянуть вамъ руку.

ЛИЗА. Обойдемся и безъ этого. Начнемте слушать и ждать.

АРТИСТЪ. Начнемте. Только, знаете-ли, что отсюда я ничего не услышу; въ вашей комнатѣ гораздо лучше резонансъ.

ЛИЗА. Вы, однакожъ, очень настойчивы.

АРТИСТЪ. Немудрено: я влюбленъ.

ЛИЗА. Ну, такъ и быть, я исполню ваше желаніе — только съ уговоромъ.

АРТИСТЪ. О! я согласенъ на все, въ чемъ-бы ни состоялъ этотъ уговоръ.

ЛИЗА. Я скажу вамъ объ немъ, когда отворю дверь. Черезъ окно неловко говорить объ этомъ.

АРТИСТЪ. Очень, очень неловко. Я бѣгу упасть къ вашимъ ногамъ.

ЛИЗА. Постойте... О чемъ-же мы будемъ держать закладъ?

АРТИСТЪ. Я тоже скажу вамъ объ этомъ у васъ въ комнатѣ. Черезъ окно неловко (*артистъ скрывается; Лиза запираетъ окно*).

IV.

АЛЕКСАНДРЪ (*вскакивая со стула*). Нѣтъ это ни на что не похоже. Это просто малодушіе. Я долженъ непременно заговорить съ нею. Сказать, по-крайней-мѣрѣ, что я переѣзжаю отсюда, навсегда оставляю столицу... Учтивость требуетъ проститься съ нею. (*Опять раскланивается и говоритъ громко*) Графиня!

ГРАФИНЯ (*медленно опускаетъ книгу, и не перемѣняя положенія, смотритъ на молодого человѣка*). Что вамъ угодно?

АЛЕКСАНДРЪ. Извините, что я прерываю ваше чтеніе, но я долженъ сказать вамъ и ... долженъ узнать о вашемъ здоровьи ...

ГРАФИНЯ. Благодарю, я здорова, хотя для васъ это должно

быть совершенно все равно, и для этого вопроса дѣйствительно не стоило отвлекать меня отъ интересной книги. Къ тому-же вы уже кланялись мнѣ нѣсколько минутъ тому назадъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Конечно (*разспянно*), но давеча я здоровался съ вами, а теперь прощаюсь.

ГРАФИНЯ. А вы уѣзжаете куда-нибудь?

АЛЕКСАНДРЪ. Переѣзжаю изъ этого дома и ѣду за границу.

ГРАФИНЯ. Надолго?

АЛЕКСАНДРЪ. Думаю, на нѣсколько лѣтъ.

ГРАФИНЯ. Куда-же именно?

АЛЕКСАНДРЪ. Самъ не знаю: въ Италію, въ Испанію, во Францію. Прежде всего, во Францію.

ГРАФИНЯ. И скоро?

АЛЕКСАНДРЪ. Черезъ четверть часа.

ГРАФИНЯ. Развѣ вы... Впрочемъ, извините, пожалуйста, всѣ эти вопросы: они могутъ быть даже нескромны; я не имѣю удовольствія знать васъ, и заговорила съ вами какъ-то машинально. Можетъ быть, меня расположилъ къ откровенной бесѣдѣ этотъ ромацъ, въ которомъ герой также не совсѣмъ обыкновеннымъ способомъ знакомится съ героиней.

АЛЕКСАНДРЪ. Мы-бы давно могли познакомиться покороче, графиня, еслибы вамъ было угодно. Я нѣсколько разъ начиналъ заговаривать съ вами, но вы едва отвѣчали мнѣ.

ГРАФИНЯ. Въ-самомъ-дѣлѣ? Я вѣрно была занята чѣмъ-нибудь, разсѣянна. Впрочемъ, вы не много потеряли отъ этого—и для чего намъ было знакомиться, если вы сегодня уѣзжаете?

АЛЕКСАНДРЪ. Отчего-же вы не хотите, чтобы, уѣзжая отсюда, я унесъ пріятное воспоминаніе о послѣднихъ минутахъ, которыя провелъ въ этомъ городѣ?

ГРАФИНЯ. Очень рада, если бесѣда со мною доставитъ вамъ такое воспоминаніе. О чемъ-же вамъ угодно разговаривать со мною?

АЛЕКСАНДРЪ. Обо всемъ, что придетъ въ голову, графиня. Будемъ говорить, какъ путешественники, которые случайно столкнулись въ одномъ мѣстѣ и потомъ разойдутся въ разныя стороны, и легко можетъ быть, никогда не встрѣтятся больше. Этотъ родъ разговора самый пріятный, потому-что непринужденный, и избавляетъ отъ необходимости говорить объ избитыхъ, общепринятыхъ условныхъ предметахъ, которые такъ надоедаютъ въ свѣтскихъ бесѣдахъ. Вотъ вы и давеча начали такъ просто предлагать мнѣ разные вопросы ...

ГРАФИНЯ. Я могу предложить ихъ, если это васъ занимаетъ. Скажите-же мнѣ, на-примѣръ: много вы путешествовали?

АЛЕКСАНДРЪ. Головою или сердцемъ, графиня?

ГРАФИНЯ. Ни тѣмъ, ни другимъ — а просто ногами.

АЛЕКСАНДРЪ. Я былъ вездѣ—и въ другихъ мѣстахъ. Но позвольте и мнѣ въ свою очередь сдѣлать вамъ вопросъ: какъ вы думаете, отчего я сегодня заговорилъ съ вами?

ГРАФИНЯ. Отъ нечего-дѣлать.

АЛЕКСАНДРЪ. Не угадали.

ГРАФИНЯ. Можетъ быть. Вы знаете, что женщины не всегда говорятъ то, что думаютъ, точно такъ, какъ мужчины не всегда думаютъ о томъ, что говорятъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Последній недостатокъ все-таки извинительнѣе. Лучше поступать необдуманно, чѣмъ всю свою жизнь быть какою-то ходячею, неразрѣшимою тайною. Знаете-ли вы, что женщина бываетъ откровенна только въ двухъ случаяхъ: въ минуты любви и въ минуты смерти.

ГРАФИНЯ. Если это и не справедливо, то по-крайней-мѣрѣ остроумно.

АЛЕКСАНДРЪ. Остроуміе нынче не рѣдкость, графиня, хоть остроумныхъ людей и не такъ много, какъ кажется съ перваго взгляда; это происходитъ, впрочемъ, оттого, что они стараются убѣдить другихъ въ своемъ остроуміи, не убѣдивши прежде самихъ себя. Я согласенъ съ тѣмъ, что и у меня есть остроуміе, какъ въ безпорядочной библіотекѣ, гдѣ не найдешь никогда книгу, которую ищешь.

ГРАФИНЯ. Но за то можно найти ту, которой не искалъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Это случается и не съ одними книгами. Чаше всего подобные случаи встрѣчаются въ любви.

ГРАФИНЯ. Скажите мнѣ, пожалуйста ... Позвольте, наверху кто-то поетъ. Послушаемъ.

ЛИЗА (поетъ у окна).

Отъ того, кто за мною слѣдитъ
Не бѣжать — я никакъ не могу;
Если-жъ кто отъ меня побѣжитъ.
Такъ за тѣмъ я сама побѣгу.

АЛЕКСАНДРЪ. Вотъ вамъ еще подтвержденіе моей мысли. Вы хотѣли однакоже спросить меня о чемъ-то?

ГРАФИНЯ. Я желала-бы, чтобъ вы объяснили мнѣ: отчего это молодой человѣкъ не можетъ поговорить пяти минутъ съ женщиной безъ того, чтобы не свести на любовь?

АЛЕКСАНДРЪ. Не со всякой женщиной, графиня.

ГРАФИНЯ. И не всякій молодой человѣкъ, прибавьте.

АЛЕКСАНДРЪ. Пожалуй. Но, во всякомъ случаѣ, большая часть. И о чемъ-же говорить здѣсь? Что въ этомъ мѣрѣ лучше, выше и разнообразнѣе любви?

ГРАФИНЯ. Мнѣ кажется, что любовь всегда одинакова.

АЛЕКСАНДРЪ. Да, если она взаимная, и если оба сердца любятъ въ равной степени; а согласитесь, что это рѣдко случается. Большею частью мужчина начинаетъ любить, когда его еще не любятъ, и перестаетъ, когда его полюбятъ. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ бываютъ минуты высокаго счастія — когда оба сердца бьются одинаково. Трудно только уловить эти минуты; онѣ наступаютъ, когда одно сердце уже начинаетъ любить, а другое еще несовсѣмъ перестало. На этомъ пунктѣ легко сойтись и быть нѣсколько времени совершенно счастливымъ.

ГРАФИНЯ. Вы вѣрно поэтъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Можетъ быть. Кто не поэтъ въ то время, когда любитъ?..

ГРАФИНЯ. А вы любите кого нибудь?

АЛЕКСАНДРЪ. Можете-ли вы спрашивать объ этомъ?

ГРАФИНЯ. Какъ? Ужъ и объясненіе?..

АЛЕКСАНДРЪ. Я забочусь только о томъ, чтобы доказать вамъ справедливость моей мысли, хоть мысль эта принадлежитъ собственно не мнѣ, а всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Ее высказала еще древняя Греція. Вспомните преданіе о Панѣ. Онъ любилъ нимфу Эхо, которая любила пастуха, который вздыхалъ по Дріадѣ, которая обожала Фавна, который въ свою очередь, страдалъ по вакханкѣ. А еслибы Панъ пересталъ любить Эхо, вся эта прогрессія стала бы любить наоборотъ. Если я сказалъ вамъ, что люблю васъ, а вы меня не любите — тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго. Я не прибавлялъ: «но придетъ время — вы полюбите меня — и тогда я не буду любить васъ».

ГРАФИНЯ. Еще бы вы сказали это! Но и первая половина вашей фразы неучтивая.

АЛЕКСАНДРЪ. Вы хотите, стало быть, чтобы я сказалъ вамъ, что не люблю васъ?

ГРАФИНЯ. Если неприлично говорить женщинѣ «люблю васъ», то еще неприличнѣе сказать: «я васъ не люблю». Положимъ даже, что первая фраза ваша справедлива — что-же потомъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ, что потомъ? Позвольте, графиня. За кого вы меня принимаете?

ГРАФИНЯ. Да, я спрашиваю васъ: что можете вы сдѣлать, чтобы доказать вашу любовь?

АЛЕКСАНДРЪ. Все на свѣтѣ.

ГРАФИНЯ. Броситесь-ли вы съ этого балкона?

АЛЕКСАНДРЪ (*посмотрѣвъ внизъ*). Нѣтъ, не брошусь, но рѣшусь на подвигъ еще болѣе опасный ...

ГРАФИНЯ (*смѣясь*). Въ-самомъ-дѣлѣ? (*Звонокъ за кулисами*). Кажется, это у васъ звонятъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Слышу, но меня нѣтъ дома для гостей.

ГРАФИНЯ. Можетъ быть, къ вамъ просится ваше счастье.

АЛЕКСАНДРЪ. Оно зайдетъ въ другой разъ.

ГРАФИНЯ. Фортуна ...

АЛЕКСАНДРЪ. Мнѣ она не нужна, я не ее ищу.

ГРАФИНЯ. Кого-же?

АЛЕКСАНДРЪ. Я ищу женщину, какъ Діогенъ искалъ человѣка — и, вѣроятно, никогда не найду.

ГРАФИНЯ. Покорно васъ благодарю. Что-жъ я, по вашему мнѣнію?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы для меня — маска. Я знаю васъ только по наружности, я не спрашивалъ даже о вашемъ имени, и называю васъ графиней потому только, что слышалъ мелькомъ, какъ называли васъ другіе.

ГРАФИНЯ. Кто-же мѣшаетъ вамъ узнать меня короче?

АЛЕКСАНДРЪ. А зачѣмъ буду я васъ узнавать? Чтобы самому уничтожить всю таинственность, всю романическую сторону нашего знакомства? Въ маскарадахъ я никогда не прошу моихъ собесѣдницъ снимать маски, иначе можно дорого заплатить за свое любопытство.

ГРАФИНЯ. Стало быть, вы боитесь узнать меня поближе?

АЛЕКСАНДРЪ. Боюсь, графиня, во всѣхъ отношеніяхъ. Будьте вы хуже того, что я думаю объ васъ — я приду въ отчаяніе и все-таки не перестану любить васъ; но вы, разумѣется, несравненно лучше и выше того, чѣмъ кажетесь — и это сведетъ меня съ ума окончательно, потому-что я люблю васъ сильнѣе, если это только возможно.

ГРАФИНЯ. Я уже просила васъ не говорить мнѣ подобныхъ фразъ. Вы принудите меня кончить нашъ разговоръ скорѣе, нежели я-бы желала. Впрочемъ, вамъ самимъ, кажется, пора ѣхать: четверть часа давно уже прошла.

АЛЕКСАНДРЪ. Лишніе четверть часа ничего не значатъ для того, кто уѣзжаетъ на нѣсколько лѣтъ. Меня, конечно, ничто здѣсь не удерживаетъ, но ничто и не привлекаетъ за-границей. Могутъ даже встрѣтаться обстоятельства, которыя принудятъ меня остаться.

ГРАФИНЯ (*улыбалась*). Въ-самомъ-дѣлѣ? Какія-же это обстоятельства?

АЛЕКСАНДРЪ (*съ досадою*). Разныя ... Да вотъ, на-примѣръ, мой человекъ, который стоитъ у балкона и держитъ письмо, вѣроятно, принесенное тѣмъ, кто сейчасъ звонилъ. Въ этомъ письмѣ могутъ заключаться важныя препятствія къ моему отъѣзду.

ГРАФИНЯ. Вы сообщите мнѣ объ нихъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Непременно (*беретъ письмо отъ лакея*). Вы позволите?... (*Графиня дѣлаетъ головою знакъ согласія и беретъ книгу. Александръ читаетъ письмо, бросивъ конвертъ за балконъ*).

V.

Въ окнѣ Лизы показывается **АРТИСТЪ** и **ЛИЗА**.

ЛИЗА. А нашъ закладъ?

АРТИСТЪ. Вы проиграли его: видите — ли, что они не говорятъ другъ съ другомъ, а читаютъ, точно въ такомъ-же положеніи, какъ мы ихъ оставили.

ЛИЗА. Я увѣрена, что они разговаривали все это время, и узнала-бы навѣрное, еслибы вы не мѣшали мнѣ слушать.

АРТИСТЪ. Ну, что-жъ, никто не мѣшаетъ намъ послушать ихъ теперь, когда мы переговорили уже о своихъ дѣлахъ. Но я утверждаю, что они еще не начинали разговаривать.

ЛИЗА. А я — что они ужъ успѣли объясниться другъ другу въ любви.

АРТИСТЪ. Что вы! въ такое короткое время?

ЛИЗА. Развѣ вы не успѣли въ это-же время сказать мнѣ все, что было нужно?

АРТИСТЪ. Но мы съ вами давно уже знаемъ другъ друга, а они люди свѣтскіе, деликатные ...

ЛИЗА. Не спорьте, а скажите: бьетесь-ли объ закладъ?

АРТИСТЪ. Бьюсь! бьюсь!... и все о томъ же?...

ЛИЗА (*смѣясь*). Разумѣется. Такъ молчите — же и слушайте. (*Садится на окно*).

ГРАФИНЯ (*Александру, который задумался, опустивъ письмо на колыно*). Вѣрно въ этомъ письмѣ заключаются важныя препятствія къ вашему отъѣзду, если вы такъ задумались?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, графиня: это письмо, напротивъ, должно ускорить мой отъѣздъ.

ГРАФИНЯ. Неужели? Это очень любопытно. Могу я узнать содержаніе письма?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы можете даже прочесть его, если это васъ забавляетъ. Я не горжусь такими посланіями, но и не скрываю ихъ. Вы даже сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, прочитавъ это письмо и сказавъ ваше мнѣніе объ немъ.

ГРАФИНЯ. Съ удовольствіемъ. (*Александръ передаетъ ей письмо, графиня читаетъ*) «Я узнала, что вы ѣдете за границу. Не будете ли вы въ Венеціи? Не думаете ли вы досказать то, что начали вы говорить мнѣ въ прошломъ году, во время карнавала, въ казино Феличе, послѣ прогулки въ Лидо. Въ этотъ годъ вы могли испытать себя и убѣдиться, точно ли я такъ необходима для вашего счастья, какъ вы говорили мнѣ это въ Венеціи. Подписано: *Лидія Д.*» Странное письмо!

АЛЕКСАНДРЪ. Неправда ли? Я долженъ, впрочемъ, объяснить вамъ подробности этого происшествія. Въ прошломъ году, въ Венеціи, во время карнавала, я встрѣтился въ Лидо съ одной обворожительной маской, умной, любезной, образованной; мы вмѣстѣ гуляли въ казино, ѣздили въ въ гондолахъ, провели вмѣстѣ почти цѣлый день. На этотъ разъ — я измѣнилъ даже своему правилу и просилъ ее открыть мнѣ свое лицо и сказать свое имя.

ГРАФИНЯ. Что-жъ она?

АЛЕКСАНДРЪ. Разсмѣялась и скрылась. И я потомъ напрасно отыскивалъ ее по всей Венеціи.

ГРАФИНЯ. А потомъ, какъ водится, забыли объ ней?

АЛЕКСАНДРЪ. Не совѣмъ, потому что это письмо напомнило мнѣ все прошедшее... Но какъ она могла узнать, что я собираюсь опять за границу? Неужели она прислала ко мнѣ это письмо изъ Венеціи?

ГРАФИНЯ. Посмотрите на конвертъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ... Да вѣдь я бросилъ его въ садъ... Впрочемъ, я могу объ этомъ узнать послѣ, спросить человека, отобрать свѣдѣнія на почтѣ... Изъ письма не видно, чтобы оно было писано въ Венеціи... Дѣло однакоже не въ томъ. Отчего она не отвѣчала мнѣ ничего въ Венеціи, а вздумала писать теперь, спустя годъ послѣ нашей встрѣчи?

ГРАФИНЯ. Вы находите страшнымъ, что женщина послѣ перваго свиданія не отвѣчала на ваши страстные объясненія? Скажите, это у

васъ привычка такая — объясняться въ любви каждой женщинѣ, съ которою вы поговорите полчаса?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы очень строги ко мнѣ. Это вовсе не привычка, потому-что я не привыкъ встрѣчать такихъ женщинъ, какъ моя венеціанская знакомка и какъ вы, графиня. Я, конечно, въ молодости дѣлалъ много глупостей, но оба эти впечатлѣнія были сильныя, серьезныя. Я давно собирался кончить романъ моей жизни и приняться за исторію. Въ это путешествіе я хочу проститься съ моею молодостью — и потомъ жениться, если только найду настоящую женщину, которая будетъ честью и радостью моего дома и населить его веселыми и рѣзвыми существами, въ которыхъ я буду видѣть мою вторую молодость.

ГРАФИНЯ. Заблуждавшееся дитя возвратится подъ кровъ отеческій и для пріѣзда его убьютъ откормленнаго тельца.

АЛЕКСАНДРЪ. По-крайней-мѣрѣ быка, графиня, потому-что я не люблю телятины. Вы можете смѣяться сколько вамъ угодно, но намѣреніе мое твердо. Легко можетъ быть, что я найду женщину въ той, которая писала мнѣ это письмо.

ГРАФИНЯ. И для этого вы отправляетесь прямо за Альпы?

АЛЕКСАНДРЪ. Отчего-жъ и нѣтъ? Для политики давно не существуютъ Пиринеи, для любви нѣтъ Альповъ. Не найдя счастья у себя подъ рукою, можно поискать его и на краю свѣта. И потомъ: развѣ Альпы такъ далеко отсюда? Вы и ближе ко мнѣ, и хотъ насъ разделяетъ только этотъ трельяжъ, но для меня это цѣлый Монбланъ; давеча вы не дали мнѣ досказать вамъ, чѣмъ-бы я думалъ доказать вамъ мою любовь; теперь я оканчиваю мою фразу: я хотѣлъ предложить вамъ мою руку, графиня.

ГРАФИНЯ. И теперь ѣдете въ Венецію дѣлать это-же предложеніе?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы сами принуждаете меня къ тому, и я, хотъ съ сожалѣніемъ, но долженъ проститься съ вами.

ГРАФИНЯ (*сухо*). Желаю вамъ счастливаго пути. Вамъ точно пора ѣхать.

АЛЕКСАНДРЪ. Благодарю за напоминаніе и еще разъ желаю вамъ всевозможнаго счастья. Прощайте!

ГРАФИНЯ. Прощайте! (*садится въ кресло и беретъ книгу. Александръ, посмотрѣвъ на нее съ минутою, уходитъ молча*).

VI.

ЛИЗА (*въ окнѣ*). Давайте биться объ закладъ, что онъ не уѣдетъ.

АРТИСТЪ. Давайте, хотъ я и увѣренъ, что проиграю.

ЛИЗА. Разумѣется. Странные они люди, право. Никакъ не хотятъ сказать прямо, что любятъ другъ друга. Все это у нихъ дѣлается

какъ-то хитро, тонко, какъ будто любовь такое трудное дѣло. Влюбиться все равно, что встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь: здравствуй, прощай, и все тутъ—не о чемъ долго разговаривать.

АРТИСТЪ. Вы разсуждаете, какъ книга, моя крошка! Конечно, въ книгахъ говорится то-же самое, только другими словами, повычуриѣе. Вотъ еще недавно читалъ я, что любовь — радуга, составленная изъ слезъ и улыбки. Въ этомъ сравненіи вѣриѣе всего то, что любовь такъ-же продолжительна, какъ радуга.

ЛИЗА. А я читала гдѣ-то еще лучше мысль: «гони любовь въ дверь, она войдетъ въ окно».

АРТИСТЪ. Совершенно справедливо. Но такъ-какъ любовь уже вошла къ намъ, то не лучше-ли мы сдѣлаемъ если, запремъ окно?

ЛИЗА. Слушайте. Она говоритъ что-то.

ГРАФИНЯ (*бросая книгу, съ безпокойствомъ*). Что-жъ онъ не возвращается до-сихъ-поръ? Неужели онъ въ-самомъ-дѣлѣ уѣхалъ?

VII.

АЛЕКСАНДРЪ (*входя поспѣшно*). Боже мой! графиня! что я узналъ!... Простите меня, но оставляя васъ, можетъ быть, навсегда, я захотѣлъ узнать вашу фамилію, и когда мнѣ сказали ее...

ГРАФИНЯ. Вы узнали, что я давно знаю васъ, по-крайней-мѣрѣ по слухамъ, черезъ вашу сестру, мою лучшую и добрую подругу. Еслибы не ваша страсть къ романическимъ приключеніямъ и знакомствамъ черезъ балконъ—вы-бы давно могли узнать меня короче.

АЛЕКСАНДРЪ. Я такъ виноватъ передъ вами; но зачѣмъ-же вы сами не назвали себя—при первой нашей встрѣчѣ?

ГРАФИНЯ. Вотъ это очень мило! Да развѣ вы спрашивали меня объ этомъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Конечно, виноватъ во всемъ я одинъ; но съ другой стороны, этотъ случай долженъ доказать вамъ искренность моихъ чувствъ. Я полюбилъ васъ, не зная вашихъ прекрасныхъ качествъ, о которыхъ такъ часто рассказывала мнѣ сестра... Вѣдь вы, кажется, вдова?

ГРАФИНЯ. Три года тому назадъ я овдовѣла; вы это относите также къ числу моихъ прекрасныхъ качествъ? Но предупреждаю васъ, что я цѣлый годъ оплакивала своего мужа.

АЛЕКСАНДРЪ. Возможно-ли! И вамъ не жаль было вашихъ прекрас-

ныхъ глазъ? Я знаю, что онъ былъ вамъ скорѣе отецъ, нежели мужъ; что онъ былъ болѣе чѣмъ вчетверо старше васъ ... О! я долженъ ѣхать отсюда какъ можно скорѣе.

ГРАФИНЯ. Отчего вы такъ торопитесь?

АЛЕКСАНДРЪ. Оттого, что если я не уѣду сегодня, то не уѣду и завтра! Прощайте—же, графиня.

ГРАФИНЯ. Прощайте!

АЛЕКСАНДРЪ (*уходитъ и тотчасъ—же возвращается*). Вы, кажется, сказали мнѣ что-то?

ГРАФИНЯ. Я сказала вамъ «прощайте»!

АЛЕКСАНДРЪ (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и опять возвращается*). Не забылъ—ли я чего—нибудь?

ГРАФИНЯ. Можетъ быть, вашу голову.

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, скорѣе сердце, графиня. Еслибы вы знали, какъ мнѣ тяжело проститься съ вами!

ГРАФИНЯ. Никто не заставляетъ васъ ѣхать.

АЛЕКСАНДРЪ. Но никто не заставляетъ остаться.

ГРАФИНЯ. И вы рѣшительно собираетесь жениться?

АЛЕКСАНДРЪ. Непремѣнно, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Для этого я такъ тороплюсь уѣхать отъ васъ. Если та, которая написала мнѣ письмо изъ Венеціи, такъ-же хороша, какъ вы... или нѣтъ: что я говорю! хоть немного похожа на васъ... Даю вамъ честное слово, я женюсь на ней.

ГРАФИНЯ. Въ такомъ случаѣ, я ѣду вмѣстѣ съ вами въ Венецію.

АЛЕКСАНДРЪ. Вы, графиня? Зачѣмъ это?

ГРАФИНЯ. Чтобъ быть на вашей свадьбѣ ... Развѣ вы можете сыграть ее безъ меня?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы смѣетесь надо мною!

ГРАФИНЯ. Нисколько.

АЛЕКСАНДРЪ. Такъ вы ѣдете въ Венецію вмѣстѣ со мною?

ГРАФИНЯ. Пожалуй; только мы напередъ, поѣдемъ въ церковь.

АЛЕКСАНДРЪ. Въ церковь?... Но я не понимаю, графиня.

ГРАФИНЯ. Вы стали очень непонятливы. Неужели вы еще не догадались, что я въ прошломъ году была въ Венеціи?

АЛЕКСАНДРЪ. Боже мой! и васъ зовутъ ...

ГРАФИНЯ. Лидіей.

АЛЕКСАНДРЪ. О! я совершенно поглупѣю! я сойду съ ума!... Графиня! я долженъ упасть передъ вами на колѣна, хоть это дѣлается во всѣхъ водевиляхъ. Какъ угодно, а я не пощажу вашего трельяжа!

ГРАФИНЯ. Наполеонъ перешелъ—же черезъ Альпы.

АЛЕКСАНДРЪ (*перелъзая черезъ трельяжъ*). А я черезъ Монбланъ.
ГРАФИНЯ. И очутились въ Венеціи (*Александръ становится
передъ ней на колѣна и цѣлуетъ ея руку*).

АРТИСТЪ (*Лизъ*). Что вы скажете объ этой развязкѣ?

ЛИЗА. То, что комедія на балконѣ была длиннѣе, но неинтереснѣе
комедіи въ окнѣ.

АРТИСТЪ. Ну, объ этомъ еще надобно спросить у другихъ.